

ПИСАТЕЛИ О ГОРЬКОМ.

Писатель Владимир Германович Ленин сидел в удобном и покойном кресле в своем кабинете и ровным, спокойным, как его кресло, голосом говорил о Горьком:

— Я, знаете-ли, давно уже Алексея Максимовича не видел, почти два с половиной года. И потом—столько уже не писал. Не знаю, сумею-ли вам рассказать что-нибудь новое и интересное. А, впрочем... Видите-ли, о Горьком, как о писателе, говорено и сказано очень много, но о Горьком—человеке можно, пожалуй, рассказать кое-что новое и сейчас.

Прежде всего,—о предмете, на первый взгляд, маловажном—о внешности Горького. Все знают, что ему уже 56 лет. Но только те, кто видел Горького в последние годы, знают, что стар он только годами. Внешнее впечатление, которое он производит, совсем не совпадает с заранее составившимся представлением о нем. Ничего старческого во внешности Алексея Максимовича нет. Он—высокий, сухой, жилистый; у него рыжие усы и замечательно живые, выразительные руки, передвигающие, пожалуй, больше даже, чем он может сказать словами. Ничего нет старческого и в его характере. Он очень прост, обаятелен, о всех почти отзываясь хорошо, или, по крайней мере, добродушно и снисходительно.

Алексей Максимович жадно интересуется Россией и всем, что в ней происходит. Говорить о России он не может без самой искренней душевной жалости и волнения.

— Почему он не возвращается в Россию? Да, главным образом, из-за денег, из-за того, что ему в России ничего не платят. Да, кроме того, я думаю, что вообще есть в жизни всякого писателя пора, когда он уходит от людей в одиночество, отстоявшуюся работу. Ведь, так именно и Гамсун сделал, и целый ряд еще других больших писателей.

Лидин видел Горького летом 25 года. Сам даже предупредил об этом. Хотел быть с тех пор Горьким знакомым, как-нибудь, постарал, менее ли прост и обаятелен? Расскажи мне читателю лидинскими словами, а ты скажешь, что теперь картина не та? На всякий случай, решила расспросить о Горьком еще Леопольда Барсукова и «Унгиловска»): Леонов с другим писателем—Валентином Катаевым побывали у Горького около полугода назад.

Оказывается, Горький ни капельки не изменился. Леонов полностью подтвердил все рассказанное Лидиным: и простота, и расчет «вечной молодости» Горького. Многие даже добавили еще:

— Приехали мы в Сорренто,—говорил Леонов,—остановились в гостинице «Минерва». Все почти приезжало к Горькому там останавливаются—так уж как то повелось. Не успели еще, какжется, толком раздеться—стук в дверь. Выхожу: стоит человек—высокий, бобриком, в сап-

— Леонов?—спрашивает.—Ну, бобриком. Вы—мой гости.

— Это сам Горький и был. Удивительная простота и «пестесительный» характер. Это вам Лидин совершенно верно сказал. Через час после

знакомства с ним я чувствовал, будто знаю его восемь лет. Мало того, что простой,—очень он живой и теплый человек. Быть большим писателем и не быть большим человеком, знаешь, и нельзя; но толстога, ведь, в сущности для большого писателя необязательно,—это уже собственная горьковская черта.

И еще одно, очень характерное и важное, мне хочется отметить: это как-то очень большую, юношескую воспламеняемость, которая заложена в Горьком, внутри его. Лидин еще раз совершенно прав, говоря, что Горький молод. Я скажу даже больше: он, может быть, самый молодой среди нас.

В Алексее Максимовиче молодое—все: и его наклонность всегда больше хвалить, чем порицать, и его поразительная, совершенно замечательная память, и самый образ жизни.

Горький мало спит. Ежедневно ложится в два-третьем, а в десять он уже всегда на ногах,—сидит за столом и работает. В окно виден Везувий—стройный, нежный, голубой, незабываемый.

Горького всегда окружает масса людей. Я не исхожу случая, чтобы у него

«век»... Действительно, замечательный ответ. В нем—весь Горький, весь дух его творчества, вся его жизнь. Ведь, Горький всю жизнь свою не только любил «видеть», как растет человек, но всеми своими силами помогал этому росту. Ведь, это он в последние годы «вывел» в писатели Лестюла Алдрева, это он помогал потом и Бабелю, и Гладкову, и Всеволоду Иванову, и целому ряду еще других писателей наших.

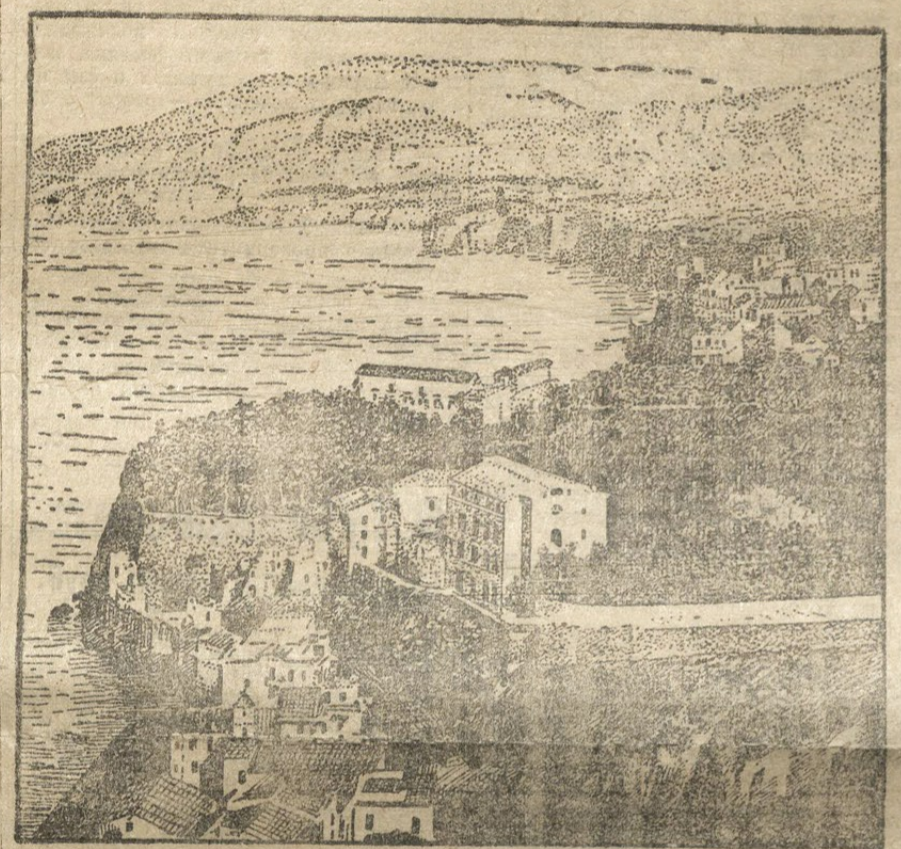
Да вот их собственные отзывы о Горьком. Они говорят сами за себя.

— В конце 1916 года я поехал в Сорренто. И вот—я всем обязан этой встрече и до сих пор произношу имя Алексея Максимовича с любовью и благоговением...—Это пишет в своей автобиографии И. Бабель.

— Необыкновенный человек,—вспоминает о Горьком Н. Н. Никитин.

— Этот человек (Горький) всегда живет в моем сердце,—восклицает, может быть, даже чересчур патетически, С. Под'ячев.

— Горький сидел для меня неизменно много,—кратко отмечает К. Федин.

Сорренто, где сейчас живет М. Горький.

за завтраком или за обедом не было кого-нибудь приезжего. Писатели, художники, журналисты, профессора, фотографы,—все это съезжало буквально со всего света, чтобы увидеть Горького, поговорить с ним, написать его портрет. Я положительно думаю, что Алексей Максимович сейчас самый популярный писатель в мире.

Горький со всеми внимателен, обходителен, обаятелен.

Горький массу читает. В частности, все, что издается у нас в России. И все это запоминает.

С месяц тому назад я написал далеко ему: «Не слышком ли много вы читаете, Алексей Максимович?». П, каюсь, прибавил еще в пояснение: «уж очень много у нас разного барахла литературного печатают»...

И знаете, что он мне ответил?—Замечательный совершенно ответ:

— Это и есть мое дело: люблю видеть, как растет человек...

«Люблю видеть, как растет, чело-

Автор «Пугачевщины» Тренев рассказывает:

— Алексей Максимович имел огромное значение в моей литературной биографии. Я послал ему одну из первых моих вещей, и он откликнулся таким горячим сочувствием, что я сразу почувствовал веру в собственные силы. Не раз и впоследствии ободрял меня Горький в тяжкие минуты своей прумательной лаской. Полагаю, что без горьковских ободрений я едва-ли начал бы серьезно писать...

Таких отзывов можно было бы привести еще целую массу. Но ограничимся еще только одним, едва ли не наиболее ярким из всех:

— Я в хороших людей не верю,—мне кажется, они притворяются из презрения к человеку, а Горький перенутил все мои мысли.

Это сказал Всеволод Иванов. Думается, что лучшего «диплома» на хорошего и большого человека выдать Горькому нельзя.

Ник. Бакунин.